

душие.

Тут они оба вновь уселись на коней. И на одной стороне все люди возгласили победителем сэра Ланселота, на противной же стороне честь победы признали за сэром Тристрамом. Но сэр Ланселот на это сказал так:

– Нет, сегодня я не завоевал первенства, и все рыцари подтвердят, что сэр Тристрам долее моего пробыл на поле и сокрушил гораздо более рыцарей, нежели я. И потому я свой голос и свое имя подаю за сэра Тристрама и всех вас, лорды и други, прошу поступить так же.

И тогда подняли дружный голос все короли, герцоги и графы, бароны и рыцари, что лучшим рыцарем в тот день выказал себя сэр Тристрам Лионский.

12

После того протрубили отбой. Королева Изольда со свитой отправилась назад к своим шатрам, но, уж конечно, она была жестоко разгневана на сэра Паломиды, ибо она видела все его предательство от начала до конца. А ни сэр Тристрам, ни сэр Гарет и ни сэр Динадан так до тех пор ничего и не подозревали о предательстве сэра Паломиды. Но потом вы узнаете о величайшей расправе, что была у сэра Тристрама с сэром Паломидом.

И вот, когда турнир был окончен, сэр Тристрам, сэр Гарет и сэр Динадан ехали, сопровождая Прекрасную Изольду к шатрам, и сэр Паломид тоже ехал среди их рыцарей, как был, в чужом обличье. Но когда сэр Тристрам заметил, что с ними скачет тот самый рыцарь с серебряным щитом, с которым ему сегодня так нелегко пришлось в схватке, сэр Тристрам сказал:

– Сэр рыцарь, да будет вам ведомо, что здесь ни один не нуждается в вашем обществе. И потому я прошу вас, покиньте нас.

А сэр Паломид говорит ему в ответ, словно бы и не зная, что это – сэр Тристрам:

– Знайте, сэр рыцарь, что этой дружины я не оставляю, ибо мне приказано здесь находиться одним из лучших рыцарей в мире, и, покуда он не отошлет меня сам, никто меня не прогонит.

Сэр Тристрам по его печи тут признал в нем сэра Паломиды и говорит:

– А, сэр, вот вы, оказывается, какой рыцарь? Неверно вас называют благородным рыцарем, ведь ныне вы поступили со мною куда как неблагородно, ибо из-за вас я едва не принял смерть. Что до вас, то я полагаю, что против вас я бы не сплеховал, но когда сэр Ланселот за вас заступился, это было уж чересчур, ибо я не знаю на свете такого рыцаря, которому было бы под силу сражаться с сэром Ланселотом, если сэр Ланселот начнет биться всерьез.

– Увы, – сказал сэр Паломид, – так, значит, вы – мой господин сэр Тристрам?

– Да, сэр, и вы это знаете отлично.

– Клянусь рыцарской честью, – сказал сэр Паломид, – до сего мгновения я вас не узнал, я полагал, что вы – король Ирландии, ведь – вы носите ирландский герб.

– Да, я ношу этот герб, – отвечал сэр Тристрам, – и буду носить его и впредь, ибо некогда я завоевал его в бою против достойнейшего из рыцарей по имени сэр Мархальт. Мне великим трудом досталась та победа, но иного пути не было. А сэр Мархальт умер из-за дурных лекарей, а мне так и не покорился.

– Сэр, – сказал сэр Паломид, – я полагал, что вы перешли на сторону сэра Ланселота, и по этой причине тоже стал выступать на его стороне.

– Добрые речи, – отвечал сэр Тристрам. – Я их принимаю и прощаю вас.

И они подъехали к своим шатрам. А там, спешившись, они сняли доспехи, умыли лица свои и руки и уселись за стол обедать.

Но Прекрасная Изольда, увидев сэра Паломиды, переменилась в лице и от гнева не могла и слова вымолвить. Заметил это сэр Тристрам и говорит:

– Госпожа, что за причина вам столь нерадушно нас принимать? Ведь мы сегодня немало потрудились.

– О, мой господин, – отвечала Прекрасная Изольда, – ради Господа Бога, не гневайтесь на меня, ведь не моя в этом вина. Я видела сегодня, как вас предали и едва что не обрекли смерти. Истинно, сэр, я видела все – как это было, и когда, и что. И потому, сэр, как могу я терпеть при вас присутствие такого злодея и предателя, как сэр Паломид? Ведь я своими глазами видела, как он следил за вами, когда вы покинули турнирное поле. Он остановил коня и сидел в седле недвижно, покуда вы не возвратились. А тогда поскакал прямо к раненому рыцарю и обменялся с ним доспе-